ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Второй допрос подсудимого Крестинского

(Продолжение)

придется при такого рода выступлении скрыть от советского народа истинные цели переворота. Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились. Заявить об этом открыто советскому народу мы не смели. Я поставил перед Троцким вопрос о том, что мы выпустим соответствующие обращения к населению и армии, в которых обойдем все вопросы, связанные с истинными целями переворота. Это письмо Бессонов переправил Троцкому. Троцкий ответил, что он согласен.

Вышинский. Когда получили ответ?

Крестинский. Ответ этот, вероятно, был получен в конце декабря или в начале января. Оказалось, что Троцкий, по своей инициативе, поставил вопрос об ускорении выступления и послал это указание в письме на имя Розенгольца—иным, окольным путем. И вот, после получения этого ответа и началась более непосредственная подготовка выступления.

Примерно к началу февраля относится и оформление вступления в центр Розенгольца и меня. В ноябре Розенгольцу, мне и Гамарнику пришлось взять на себя руководство троцкистской организацией. Пятакова уже не было, Радека тоже. Нам пришлось вести разговоры с Тухачевским и Рудзутаком, нам пришлось переписываться непосредственно с Троцким. Затем у нас состоялось совещание на квартире Розенгольца. На этом совещании был намечен срок выступления—вторая половина мая. Но в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон. К этому времени вернулся из Средней Азии Рудзутак. После возвращения Рудзутака и после выяснения того, что Тухачевский в Лондон не едет, он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая.

С 1935 года у меня была связь с тремя ответственными работниками Московской партийной организации, которые были скрытыми троцкистами, — Постоловским, Фурером и Корытным.

Я связался с ними, сказал, что близится выступление и необходимо поэтому, чтобы они наметили списки людей в Москве, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент выступления, и списки людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места. Было условлено, что примерно к 12 мая соответствующие списки я могу получить. Но в первых числах мая начался разгром контрреволюционной организации. Стало ясно, что выступление становится невозможным. Через несколько дней после этого я был арестован.

Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы до контрреволюционного выступления были совершены некоторые террористические акты. Поскольку Тухачевский настаивал на террористических актах,—мы дали свое согласие, заявив ему, что террористы исполнители будут ему даны. Гамарник сказал нам, что у него тоже намечены кадровики—исполнители террористических актов.

Вышинский. После всех ваших колебаний и противоречивых заявлений, которые были здесь на суде сделаны, вы теперь признаете себя виновным в пред'явленных вам обвинениях?

Крестинский. Да, признаю.

Допрос подсудимого Раковского*)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Раковский, показания, данные вами на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Раковский. Полностью подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Раковский, скажите кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу?

Раковский. В 1932 году, летом, проездом через Новосибирск, я виделся с Н. И. Мураловым. Он мне сказал, что от Троцкого получены указания о переходе на новые—террористические методы борьбы. Троцкий указывал, что после разгрома оппозиции, старые методы борьбы уже не приведут к захвату власти.

Полтора года спустя, в феврале 1934 г. я дал телеграмму в ЦК ВКП(б), что полностью идейно и организационно разоружаюсь и прошу принять меня обратно в партию. Эта телеграмма была неискренней, я солгал. Я намеренно собирался скрыть от партии и от государства о моей связи с «Интеллидженс-Сервис» с 1924 года, о связи Троцкого с «Интеллидженс-Сервис» с 1926 года, я собирался скрыть мой разговор с Мураловым в 1932 году.

Приехав в Москву в мае, я встретился с Сосновским. Сосновский заявил мне, что бывшие руководители старой троцкистской оппозиции снова возвращаются на активную подпольную работу.

Во второй половине июля 1934 года я получил письмо от Троцкого. Он в письме просил меня использовать мои обширные связи с заграничными политическими, преимущественно «левыми», кругами. Я понял смысл этих указаний так: нужно укрепить и усилить капиталистическую агрессию против Советского Союза. На это предложение я пошел. С этого момента я уже обеими ногами стоял на позициях троцкизма.

В сентябре 1934 года я был отправлен в Токио во главе советской краснокрестной делегации на международную конференцию обществ Красного креста. На второй же день после моего приезда в Токио в коридоре здания японского красного креста меня встретил один крупный общественный деятель Японии. (Я назову его на закрытом заседании). Он пригласил меня на чай. Я с ним познакомился и ответил положительно на его любезное приглашение. В разговоре указанное лицо сказало: интересы того политического течения, к которому я принадлежу в СССР, интересы некоего правительства вполне совпадают. Он заявил, что для некоего правительства и для него чрезвычайно ценно знать мою оценку внутреннего политического положения Союза... В тот же вечер я имел беседу с полпредом Юреневым, которого я знал как троцкиста еще с 1926 года. Я ему рассказываю об этом несколько странном разговоре указанного мною лица. Я сказал Юреневу, что тут идет речь о привлечении меня в качестве шпиона, информатора некоего правительства.

Тогда Юренев вынимает из кармана письмо и говорит мне: «Дело решенное, нечего колебаться». Он мне показал письмо Пятакова, которое я привез ему из Москвы сам. Пятаков ему писал: «Вероятно некое правительство само предпримет шаги в этом направлении (т. е. в направлении использования Раковского)». Дальше Пятаков писал Юреневу относительно Богомолова—полпреда в Китае, указывая ему, что некое правительство недовольно его политической линией, что он больше помогает Великобритании, чем данному правительству. Наконец, Юренев сказал, читая письмо: «А вот это мне трудно сделать». Там ему было указано о необходимости использовать известные переговоры о продаже КВЖД для того, чтобы можно было что-нибудь выручить в пользу троцкистов. Юренев был связан с троцкистским подпольем в Москве, с Пятаковым.

На второй или третий день после моего разговора с Юреневым, после одного торжественного обеда, некое высокопоставленное лицо, присутствующее на этом обеде, познакомилось со мной. Официальное лицо заявило, что наши интересы совпадают с интересами некоего государства, что между троцкистами в СССР и между представителями некоего государства достигнуто соглашение. После этого я имел еще два свидания с общественным деятелем...

*) Сокращенная стенограмма.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 5 МАРТА

Продолжение допроса подсудимого Раковского*)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Раковский, вы имеете слово для окончания ваших показаний.

Раковский. На втором и на третьем свидании с деятелем, возглавляющим крупную общественную организацию в Японии, у нас были установлены характер тех сведений, которые я обещался передавать японской разведке в Москве, а также и техника этой передачи. Еще в Токио я привлек к этому делу доктора Найда, секретаря краснокрестной делегации, принадлежность которого к подпольной контрреволюционной террористической организации мне уже была известна. Он и играл роль агента связи между мною и японской разведкой.

В Токио я имел еще одну встречу с третьим лицом. Беседу со мной он начал с того, что заявил мне: «Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и единомышленником господина Троцкого. Я должен вас попросить, чтобы вы ему написали, что некое правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также и поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для некоего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызвать инцидент в Китае являлось бы желательным поводом для того, чтобы можно вмешаться в китайские дела». Обо всем этом я написал Троцкому—о моих переговорах в Токио, о моих разговорах с Юреневым, о моих встречах и, конечно, об этом последнем предложении.

Вышинский. Вы лично были связаны с какими разведками?

Раковский. С английской и японской.

Вышинский. А Крестинский? Подсудимый Крестинский, вы с какой разведкой были связаны?

Крестинский. С немецкой.

Раковский. Я вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона. В течение 1935 и в первой половине 1936 года, т. е. до процесса Каменева и Зиновьева, я передал через Найда японской разведке пять сообщений. Я передавал о влиянии отмены карточной системы на уровень заработной платы, о состоянии колхозов, о выполнении промфинплана. Изложение и выводы сознательно делались резко пессимистически, в сгущенных черных красках. Я это делал для того, чтобы поощрять аппетиты агрессоров.

В начале 1935 года я получил второе письмо от Троцкого. Он возвращался к своей теме, изложенной в первом письме, и давал директивы о необходимости изолировать Сталина, изолировать Советский Союз в международном отношении.

И вот представился случай, когда я мог применить эту директиву Троцкого. Это было во время приезда французского премьера Лаваля. Среди журналистов, которые приехали из Франции вместе с Лавалем, был Эмиль Бюре—мой близкий старый товарищ по Франции, перешедший в лагерь правых республиканцев и ставший директором одной из крупнейших и самых авторитетных французских газет «Ордр». Я пошел к нему в гостиницу «Метрополь», поставив себе задачу убедить его, что франко-советское сближение чревато опасностью, что оно может привести к новой превентивной войне со стороны Германии. Я ему заявил, что это не мое только мнение, я ведь знал настроение всей оппозиции, ее пораженческие настроения.

Вышинский. О какой же оппозиции вы говорите?

Раковский. Я говорю и о правых и о троцкистах.

Вышинский. Какая же это оппозиция? Это бандитская группа контрреволюционеров!

Раковский. Бюре мне ответил: Франция не может оставаться изолированной перед растущей милитаризацией Германии. На агрессора нужно надеть смирительную рубашку, это есть единственный способ подавить войну. Об этом ответе я написал Троцкому.

Теперь я возвращаюсь к моей изменнической деятельности до ссылки и начну с показания относительно того, как я стал агентом «Интеллидженс-Сервис».

Дело происходило в конце 1924 г. После падения правительства Макдональда, ко мне в полпредство в Лондоне явились два англичанина—Армстронг и Леккерт, мне лично знакомые. Леккерт и Армстронг составляли часть окружения известного английского крупного капиталиста лорда Инверфорса, бывшего министра кабинета Ллойд Джорджа. Армстронг сказал: «Мы питаем к вам большую симпатию и хотим предупредить вас против опасности, которая вам грозит». Он вынул из кармана бумажку, которую пред'явил мне. Это было письмо, написанное на машинке и подписанное моей подложной подписью.

Вышинский. Для кого было предназначено это письмо?

Раковский. Это письмо было написано в Германию, а адресата не было.

Вышинский. Для германской разведки?

Раковский. Возможно.

Вышинский. Что же в этом письме говорилось?

Раковский. В этом письме говорилось примерно следующее: «Посылаю вам приложенный список румынских торговых фирм и редакций газет, которые следует привлечь на сторону Германии для привлечения самой Румынии в войну на стороне той же самой Германии».

Вышинский. Что означает такое содержание письма?

Раковский. Содержание письма означало, что у меня с германской разведкой, с германским правительством, или какой-то германской организацией существовала связь.

Вышинский. И вы помогали Германии в вербовке на территории Румынии румынских граждан для содействия Германии?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Чем вы занимались в Румынии официально? Какие у вас были средства к существованию?

Раковский. Я был сыном состоятельного человека. Мой отец был помещиком.

Вышинский. Я спросил—каковы были ваши средства к существованию?

Раковский. Моими средствами к существованию были—доходы от имущества отца.

Вышинский. Значит вы жили на доходы в качестве рантье?

Раковский. В качестве сельского хозяина.

Вышинский. То-есть помещика?

Раковский. Да.

Вышинский. Я хочу прямо поставить вопрос: у меня есть большое подозрение, что письмо, которое вам пред'явил Армстронг, письмо в адрес германской разведки, было подписано не вашим подложным именем, а вами действительно было подписано, потому, что вы тогда уже состояли в германской разведке.

Перейдем к дальнейшему, к вашему сотрудничеству с английской разведкой. Продолжайте.

Раковский. Когда Армстронг и Леккерт мне пред'явили этот документ, я сказал: «Да это же прубейший подлог». Документ был помечен Берном 15 октября, а я тогда был в Румынии, а не в Берне. Тогда они мне заметили: «Вы утверждаете, что является подлогом и письмо Зиновьева, а вот результат: падение правительства Макдональда и предстоящее аннулирование того договора, который вы подписали с английским правительством. Мы осведомлялись относительно вас у господина Истмена (Истмен—американский троцкист) и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства «Интеллидженс-Сервис» не возражала, чтобы наше правительство дало агреман *) на назначение вас полпредом в эту страну». Это заявление изменяло всю ситуацию.

Я приехал в Москву и сообщил Троцкому. Троцкий говорил, что подложное письмо было предлогом для разговоров.

Троцкий согласился с тем, чтобы войти в связь с английской разведкой, благословил, так сказать, меня на это дело, оговаривая, что нужно быть осторожнее, что нужно еще выявить, что они могут дать для троцкизма. Возвратившись в Лондон, я вскоре был вызван к одному официальному лицу, которое мне подтвердило, что данное «Интеллидженс-Сервис» предложение действительно санкционировано. В свою очередь Армстронг и Леккерт заявили, что агентом связи между мною и ими будет журналист Фарбман. К этому делу в качестве агентов связи я привлек, завербовал еще двух сотрудников полпредства.

Это произошло уже в начале 1925 года. Перед от'ездом из Лондона я успел передать документ—оценку советской политики в Средне-Азиатских национальных республиках с точки зрения человека, который желает поддержать враждебное отношение к СССР. В октябре того же 1925 года я был переведен полпредом в Париж. Держать непосредственную связь с «Интеллидженс-Сервис» мне в этом положении было трудно. И когда ко мне явился снова Фарбман, посоветовавшись с ним, решили привлечь к непосредственному обслуживанию «Интеллидженс-Сервис» Мдивани. Затем мои связи с «Интеллидженс-Сервис» прекратились. Летом 1934 года после того, как я вернулся из ссылки, мои связи возобновились.

Вышинский. Расскажите о том, что вам известно о связях Троцкого с «Интеллидженс-Сервис»?

Раковский. Это было накануне ссылки Троцкого в Алма-Ату. Первоначально его должны были направить в Астрахань, но он добивался отмены этого назначения и получил Алма-Ату. Будучи у него на квартире на улице Грановского, я нашел его очень довольным тем, что ему обменяли Астрахань на Алма-Ату. Я удивился. Ведь до Алма-Аты надо ехать от Фрунзе несколько дней (тогда там еще не было железной дороги). Он ответил: «Зато ближе к китайской границе», и он указал мне на сверток карт. Он дал мне понять, что рассчитывает на побег. Я его спросил, каким же образом через Западный Китай, через песчаные пустыни, через горы, без средств, можно организовать побег. «Мне поможет «Интеллидженс-Сервис»,—сказал Троцкий. И тут он мне строго конфиденциально сообщил, что с 1926 года он вошел в преступную связь с «Интеллидженс-Сервис».

Вышинский. Через кого?

Раковский. Через одного из представителей концессии «Лена Гольдфильдс».

Вышинский. Значит, тогда, когда он был председателем Главконцесскома, он вошел в связь с «Интеллидженс-Сервис» через представителя фирмы «Лена Гольдфильдс»?

Раковский. Вполне правильно. Он мне сообщил еще другой факт: он уже успел оказать известную услугу английской «Интеллидженс-Сервис», это относится к началу 1927 года. По его словам, он за некоторые услуги этой организации в свою очередь помог консерваторам осуществить разрыв отношений с СССР, что он указал «Интеллидженс-Сервис», как на удобный инцидент, на возможность организации налета на Аркос. Он назвал при этом некоторых лондонских троцкистов, работавших там, в том числе Мюллера или Миллера, через которых было обеспечено нахождение в помещении Аркоса специально сфабрикованных документов, и что он дал таким образом в руки Джойнсона Хикса (тогдашнего министра внутренних дел) повод к тому, чтобы убедить его коллег в необходимости разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией.

Я хочу еще сказать относительно тех переговоров, которые мне поручил вести Троцкий летом 1927 года во Франции. Я встретился с депутатом Николь в Ройя. Николь—очень крупный льнопрядильщик севера, фабрикант, принадлежащий к правым республиканским кругам. Я его спросил тогда относительно возможностей или перспектив, которые существуют для оппозиции, можно ли искать опоры среди французских капиталистических кругов, которые настроены агрессивно против СССР. Он мне ответил: «Конечно, и в большей мере, чем вы, может быть, сами ожидаете». Но это будет, как он сказал, главным образом, зависеть от двух обстоятельств. Первое обстоятельство—это то, чтобы оппозиция стала действительно реальной силой, а второе обстоятельство,—в какой степени она пойдет на концессии французскому капиталу.

Теперь о моих контрреволюционных связях. Приехав из ссылки в 1934 году, я встретился с Сосновским и с ним поддерживал связь. В марте 1935 года Сосновский сообщил мне о том, что уже давно заключен блок между правыми и троцкистами, что есть полное согласие в целях и в методах—шпионаж, диверсия, вредительство.

Другим подпольщиком, с которым я встретился в 1934 году, был Крестинский. Я у него был два раза в наркомате в связи с моей поездкой в Токио. Второй раз, когда я его видел, он сказал, что работает как подпольщик.

Вышинский. Как троцкист?

Раковский. Как троцкист.

Вышинский. Скажите, как вы могли бы кратко формулировать признание своей вины перед Советским Союзом?

Раковский. Я признаю, что, начиная с 1924 года, я являлся изменником советской социалистической родины.

Вышинский. Во имя чего вы, троцкисты, вели эту борьбу против советского государства?

Раковский. Во имя захвата власти.

Вышинский. Вы хотели захватать власть при помощи фашистов?

Раковский. При помощи фашистов. В конце концов власть оказалась бы в руках фашистских агрессоров.

Вышинский. И вы лично действовали в целях и интересах этого фашизма?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Действовали методами шпионажа?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки поражения СССР в предстоящей войне в случае нападения на СССР?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки ослабления мощи и обороноспособности СССР методами вредительства, диверсии и террора?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Это есть не только измена перед советским государством, но и перед всем международным рабочим движением? В этом вы себя признаете виновным?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Вопросов больше нет.

*) Сокращенная стенограмма.

*) агреман — согласие на принятие посла.

Допрос подсудимого Зеленского*)

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Зеленский, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии?

Зеленский. Да, я подтверждаю. Я должен коснуться в первую очередь самого тяжелого для меня преступления—это о своей работе в царской охранке. Я состоял агентом Самарской охранки с 1911 по 1913 г.

Летом 1911 года у меня был произведен обыск. У меня были найдены кое-какие документы, изобличающие меня в принадлежности к социал-демократической организации. Я был доставлен в жандармское управление, допрошен полковником Бетипажем, который заявил мне следующее: либо они создадут для меня каторжный процесс, либо я должен стать информатором охранного отделения. Я малодушничал и дал согласие на то, чтобы стать осведомителем.

При вербовке мне была дана кличка «Очкастый». Мне было предложено информировать о работе местной социал-демократической большевистской группы, о ее борьбе с ликвидаторами. В дальнейшем я регулярно получал деньги за эту предательскую работу—25, 40, 50 и даже 100 рублей. Так продолжалось до февраля 1912 года.

Я давал сведения о работе большевиков в обществе взаимопомощи, клубе печатников, о работе большевиков в обществе потребителей. Я выдал ряд людей, которые были арестованы. Помимо работы по осведомлению, жандармы поручают мне и провокаторскую работу. Мне было дано поручение организовать типографию. Мне было поручено организовать при помощи квитанционных книжек сбор членских взносов с тем, чтобы там были печати, т. е. мне было дано задание подготовить такой фактический материал, который при аресте организации послужил бы основанием для создания судебного процесса по 102-й статье и высылки людей на каторгу.

В феврале 1912 года я был арестован вместе с теми людьми, которых я выдал: Буянов, Благодарова, Левин, Вульфсон, Кучменко. Будучи арестован и заключен в Самарскую тюрьму, я обратился к Бетипажу с заявлением о вызове меня на допрос, так как я желал узнать мотивы моего ареста. Бетипаж меня вызвал и заявил, что это сделано для того, чтобы предохранить меня—«для вас же лучше, что мы вас арестовали». В тюрьме я просидел 6 месяцев, после чего был выслан в Нарымский край. Перед отправкой ко мне в тюрьму явился тот же самый жандармский офицер, с которым у меня были свидания на конспиративной квартире, и потребовал, чтобы я из ссылки информировал о настроениях ссыльных.

Таким образом уже в Нарымскую ссылку я пришел предателем рабочего движения.

Поскольку я скрывал свое преступление от партийных организаций и партийных людей, я пользовался их доверием как член партии.

Вышинский. Из ссылки посылали письма на имя Авербуха. Кто такой был Авербух?

Зеленский. Владелец типографии.

Вышинский. И одновременно агент охранки?

Зеленский. Вероятно, да.

Вышинский. Прошу суд удостовериться, что в том же 51 томе, на листе 24 содержится протокол допроса арестованного в декабре 1937 года Авербуха Лейба Моисеевича. Это он?

Зеленский. Полагаю, что это тот самый.

Вышинский. И вот Авербух показывает—«Кроме этого, мой адрес использовался Самарским жандармским управлением, агентами жандармского отделения, находящимися даже в ссылке. Помню, через меня шли донесения некоего Исаака Абрамовича, находящегося в ссылке». Это вы?

Зеленский. Полагаю, что так.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, был ли такой случай, что обвиняемый Ягода в 1924 году вас посетил и вам предоставил вот эти фотографические и дактилоскопические данные из жандармского управления?

Зеленский. Да.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вы подтверждаете этот факт?

Ягода. Да. Это было дело его брата. Его брат был арестован, Зеленский очень волновался. Брат был провокатором и расстрелян в 1924 году.

Вышинский. А вы передали этот материал Зеленскому? Почему?

Ягода. Он был в то время секретарем Московского комитета партии. Он не приехал, но звонил, чтобы я приехал.

Зеленский. Он привез мне дело моего брата и мои лично самарские дела.

Вышинский. Вот эти дела?

Зеленский. Да. Теперь вопрос относительно моей вредительской работы. Я примкнул к организации правых в конце 1928 или в начале 1929 года. Примкнул по мотивам, которые указаны в обвинительном заключении, — из-за боязни разоблачения моей преступной деятельности.

Вышинский. Какой преступной деятельности?

Зеленский. Провокаторской. Я был завербован А. П. Смирновым. Приезжая из Ташкента, я принимал участие на ряде собраний правых, имевших место у Смирнова в течение 1929—1930 года. На собраниях резко критиковалась линия партии и вырабатывалась линия борьбы против ЦК партии.

В 1929—30 году Смирнов давал мне ряд указаний относительно срыва коллективизации в Средней Азии.

Указания эти заключаются в следующем: необходимо всячески сохранить, как Смирнов выражался, мощное хозяйство, подразумевая под этим кулацкие хозяйства; необходимо всячески тормозить развитие коллективного движения; тормозить и срывать колхозное строительство. Он указывал на необходимость оказать поддержку правой националистической организации в ее борьбе против партии. В Ташкенте я выдвинул лозунг «догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза». На основе этой директивы местные организации разработали план быстрых темпов коллективизации и приступили к организации колхозов, применяя при этом административные методы. Этот способ срыва колхозного строительства был подхвачен национал-шовинистическими организациями, которые организовали ряд перегибов. Когда недовольство приняло значительные размеры и перед ЦК нельзя было скрывать этих грубых ошибок, допущенных при коллективизации, мною было дано указание о том, чтобы вместо исправления ошибок пустить дело таким образом, чтобы люди выходили из колхозов—не препятствовать этому. Под этой, казалось бы, легальной формулой открывался путь для кулацкой агитации и кулацкой активности в направлении развала колхозов.

*) Сокращенная стенограмма.

(Продолжение см. на 4 стр..)